

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БАТУРИН: ДИРЕКТОР. ЧЕЛОВЕК. ТОВАРИЩ

К 70-летию со дня рождения

(Черноголовская газета, октябрь 2007 г.)

Когда я начал писать о Батурине и на память приходили мои, в общем-то нечастые, встречи с ним, меня буквально заваляли всяческими материалами, воспоминаниями и даже стихами. Да — и стихами! Вот один из них, точнее — его начало (это целая поэма типа «Песни о Гайавате»).

*Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем
И печальной ностальгией
О былых делах научных,
О прекрасном коллективе,
О любимейшем Сереже —
Я скажу вам, я отвечу:
Это вовсе не легенды,
Это было, было в жизни,
Это память сохранила
Без компьютерных дисплеев,
А в сознание поколенья —
Что на свете жили люди
Столь прекрасные душою!*

А. Д. Стыркас

После такого зачина я почти отказался от самостоятельного рассказа (несколько слов своих я все же попытаюсь вставить) и фактически komponую его из предоставленного материала, а также из записей проведенных мною бесед и интервью о Сергее Михайловиче с сотрудниками его лаборатории. Итак, далее излагаем прозой: своей, а больше — ветеранов, тех, кто называл его просто Сережей (все закавыченное — их). Лаборатория, кстати, потрясла меня редкой душевной атмосферой, трудовым настроем и единодушным отношением к своему бывшему завлабу. О людях ее поговорим тоже, но попозже, а сейчас надо сказать обязательные слова из официальной биографии.

Сергей Михайлович Батурин родился 11 октября 1937 года в Баку в семье военнослужащего. Среднюю школу окончил в Хотьково под Москвой в 1955 г. ...

Мы мало что знаем о военном детстве Сережи, откровенно говоря, я совсем ничего не знаю. Война и есть война, радости мало. Радость была в Победе. В год Победы Сережа пошел в первый класс. После войны у отца была уже другая семья, мать Сережи с двумя детьми жила в подмосковном Хотькове. Во второй половине 50-х страна начинала все больше говорить о химии. А может, просто учитель химии был хороший или еще по какой причине, но Сережа поступил в Московский институт тонкой химической технологии им. Ломоносова. Здесь на минуту остановимся.

Институт этот не был «новоделом», а продолжал традиции известного московского дореволюционного учебного заведения МВЖК — Московских высших женских курсов, поэтому, наверное, женщин там всегда было достаточно. После революции — это 2-й МГУ, который был в 1930 г. преобразован в несколько вузов, в том числе в МИТХТ. И с предшественниками, и с самим институтом связано много громких фамилий. Назовем всего несколько, но зато каких: С. А. Чаплыгин, Н. Д. Зелинский, А. Н. Несмеянов, О. Н. Цубербиллер. Ну а в «батуринские времена», например, на лекции



Студент Бату́рин

преподававшего там физхимию Я. К. Сыркина, съезжались слушатели со всей Москвы (еще сохранялась в столице такая традиция).

Да, страна действительно начинала все больше говорить о химии и все больше — о полимерах, не без вмешательства нашего «НН» — академика Н. Н. Семенова. В институте еще не было полимерных кафедр, их только начали заводить на факультете... технологии резины (!) Но пока не будем об этом, полимеров будет много впереди, будем о жизни. Младшекурсники до сих пор вспоминают Сережу в институте на М. Пироговской и в общежитии на «Студенческой». Был ли он какое-то время «стилягой» (модное тогда и рискованное увлечение молодежи) или просто красивым, видным парнем (элегантность сохранил на всю жизнь и танцевал очень

хорошо) — не мог он не обращать на себя внимание, и особенно — продолжательниц дела МВЖК. Короче говоря, жену он нашел себе здесь, не где-то.

После свадьбы перешел на вечернее отделение МИТХТ и стал работать в МИСИ, где сам организовал группу (10 человек) по изучению внутренних напряжений и прочности эпоксидных блоков, которые были нужны для строителей.

Как он вместе с молодой красивой женой, однокурсницей Аллой, оказался в Черноголовке — история умалчивает. Тогда еще не установились такие связи с МИТХТ, как впоследствии (да он сам их потом и устанавливал), когда из этого института в ФИХФ пришли Ягубские, Ольховы, Комратовы, Е. Г. Атовмян, И. И. Назарова и еще многие.

Но как бы то ни было, Судьба и директор ФИХФ свели Сережу с С. Г. Энтелисом, ставшим для него и учителем, и другом. Энтелис формировал лабораторию — хотел, конечно, в Москве, но получалось пока только в Черноголовке, где и задумал он с Федором Ивановичем создать для начала научную группу. Было все это в 1961 году, когда полетел в космос Юра Гагарин. Упоминаем мы это дорогое имя не всуе, поскольку перед группой сей задача была поставлена очень важная: речь шла о полимерных связующих для смесевых твердотельных ракетных топлив (ТРТ). Американцы интенсивно развивали именно твердотопливные ракеты, у нас же пока лучше получалось с жидкостными.

Надо было найти такие вещества, чтобы они «схватывали», связывали все компоненты смесевых ТРТ как бы в единое целое, обладали нужными физическими и механическими свойствами, и при этом крайне желательно, чтобы сами тоже хорошо горели. Проблема эта сложная, многосторонняя, тут есть над чем подумать, что поисследовать в смысле чистой науки и поломать голову изобретателям. Этим группа, руководить которой через недолгое время стал Батурин, и занималась.



Молодые супруги. 1962 год

В 1977 она была преобразована в лабораторию, но до того еще пока далеко...

После Сергея Михайловича вторым в «группе», ютившейся в угловой комнатке корпуса Стесика, появился В. С. Радугин. Он перед этим выполнил дипломную работу у Г. В. Королева в Москве. Кстати, связи Батурина с лабораторией Королева, как и с другими, занимавшимися и полимерной наукой, и важными приложениями, всегда были очень хорошими...



Двухколесный друг, сильный и надежный

А материальное положение группы улучшалось постепенно. Перебрались в корпус Афанасьева, там стало попросторнее. В 67-м или 68-м переехали в пятиэтажку, здесь было уже совсем хорошо. К этому периоду сложился костяк будущей лаборатории: В. А. Григорьева, В. С. Радугин, Р. А. Барзыкина, Л. И. Белякова, А. И. Кузаев, Ю. А. Ольхов, И. И. Назарова, Г. И. Черный, М. П. Гафурова, О. М. Ольхова, Г. А. Горбушина, В. В. и Г. Н. Комратовы, Г. А. Миронцева, Е. Г. Атовмян, Я. И. Эстрин, Е. В. Стовбун, В. П. Лодыгина, Л. Т. Касумова...

Твердотельные ракеты еще не летали, но зато все небо Отечества было забито самолетами Ту-104 и Ту-114. На суше молодежь массово садилась на мотороллеры. Был мотороллер и у Батурина. А потом — мотоцикл, а в скором времени и автомашина. И тут надо обязательно отметить кое-что. Все

знающие Батурина обязательно говорят о его любви к технике, и не просто любви. Он понимал в ней толк. И в лабораторию-то старался достать как можно больше приборов (поначалу почти все делали сами, В. С. Радугин хорошо об этом вспоминал), знал, что каждый из них может, а чего не может. Да, и лабораторную технику, и бытовую — любил и холил, чувствовал ее. Водил мастерски, все говорят, что машина и он составляли как бы единый организм. На родине у жены в Сасово переоборудовал себе катер, сделал его двухмоторным и так на нем носился по Цне, что на берегах думали: вот-вот взлетит...

Это во время отдыха, в летние отпуска. В трудовые будни надо было вкалывать по другой части. В 1969 г. он защитился, руководил уже большой группой, люди приходили и уходили, костяк же оставался. В 1977-м группа стала лабораторией, это уже как само собой разумеющееся. Работало в ней в разные годы до 33 человек.



Еще не директор, но, наверное, завлаб или с.н.с.



С коллегами и друзьями на фоне Черноголовки

Вот что от имени сотрудников лаборатории пишет И. И. Назарова: «Все были молоды — со своими характерами, мечтами, ожиданиями, амбициями и с большим желанием работать (да еще в таком престижном Институте Академии Наук СССР!). О научных успехах Сергея Михайловича написано теперь в толстых книгах, нам же хочется рассказать, каким он был в нашем кругу (в лаборатории и вне ее).

Конечно, успехи Сергея Михайловича в создании цельного, стабильного, эффективно работающего коллектива (и на всех других фронтах) оказались возможными благодаря удивительно гармоничным, прекрасным личностным его качествам. Он был человеком цельным, красивым и светлым, но с твердым внутренним стержнем, что удивительно сочеталось с мягкостью характера, а иногда даже с некоторой застенчивостью. Мы всегда его видели подтянутым, аккуратным, элегантным. В общении с сотрудниками Сергей Михайлович был сдержан, умел слушать и слышать собеседника (будь то на семинаре или в беседе тет-а-тет).



Собрание или заседание?

Если Сергей Михайлович был с чем-то не согласен, он выражал это открыто, но не оскорбляя и не унижая оппонента. В результате научные и прочие дискуссии в лаборатории проходили по-деловому эффективно. Каждый мог высказать свою точку зрения по любому поводу.

Сергей Михайлович был очень ответственным, надежным партнером в любом деле, за которое брался, и никогда не перекладывал груз своих забот на других. Об этих его качествах очень хорошо сказал его друг Э. Б. Ягубский в телевизионной передаче, посвященной Сергею Михайловичу: «С ним было комфортно работать и приятно общаться».

Работали, делали дело, получали интересные результаты, поначалу почти все засекречивали. Трудно определить вклады разных организаций; но то, что сейчас, плохо ли, хорошо ли, летает «Булава» и ставятся на вооружение «Тополи», в этом есть заслуга и Химфизики, и лаборатории Батурина, на эти темы можно будет еще поразмышлять. Сейчас же о делах открытых. С 69-го примерно года стали публиковаться

и в «нормальных» журналах. Список открытых трудов Сергея Михайловича включает две сотни статей и авторских заявок.

И еще об открытом, но не совсем — о работе Сергея Михайловича в парткоме. Стали они притчей во языцех, а работали в партийных комитетах нередко совсем неплохие люди. Ну, строгие, как Атовмян или Еременко. Мы, еще в комсомольском возрасте, их побаивались, хотя в нужный момент они, выждав, как было положено, «паузу», помогали нам. А вот Батурина не боялись почему-то. Был ли он помоложе или с более открытой душой, но «партиец» в нем никогда не заслонял человека. Самые сложные дела поручались ему, он разбирался и поступал, как теперь говорят, «гуманно». У них в парткоме, как недавно мне сказали, даже термин был, «отбатуриться». Это значит — спихнуть неоднозначное, запутанное дело на Сергея Михайловича. Знали — он разберется и поймет что к чему. Так партком, как и, конечно, лаборатория, стали его психологическими университетами. Он, с самого начала обладавший редким и драгоценным даром выстраивать отношения с людьми, совершенствовал здесь это свое умение, свой талант.

В. П. Лодыгина: «Он выслушивал, советовал, помогал. Если не мог помочь, то успокаивал. Вот находил же такие успокоительные слова, такие аргументы! А успокоить во многих случаях — это тоже помочь...»

И здесь, пожалуй, будет уместен мой небольшой рассказ вот о чем. У нас в Черноголовке в свое время было довольно сильное отделение ВООПИК — Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры — замечательной организации, сейчас практически не существующей. Году в 1988 (точно не помню) наши первичные организации ВООПИК поддержали призыв Московского совета ВООПИК о восстановлении храма Христа Спасителя, стали собирать подписи. В некоторых институтах некоторые нынешние большие демократы, а тогда верные ленинцы, не будем называть фамилий, моментально просекли ситуацию и начали



Фото на память с «китайскими товарищами»

«шить дело» «клерикалам и националистам», объявили нас «Памятью» и т.п. И это за то, за что через несколько уже лет давали ордена и разные другие награды! А Сергей Михайлович в Химфизике вник, разобрался и, как ни давили сверху, спустил все на тормозах. И оказался прав во всех отношениях! И перед Историей тоже прав.

Ругали, крыли мы парткомы. А теперь вот народ говорит: «И пожаловаться некуда, и заступиться некому». Остается надеяться только на себя, но не все такие сильные...

И наконец подошли мы к самому сложному, самому важному, самому запоминающемуся. У всех на виду этот период жизни Сергея Михайловича — его директорство в черноголовской Химфизике, сначала неформальное, а потом и формальное. Это при нем институт получил полную самостоятельность. Это он спас, в существенной мере, институт в труднейшее время, нашел способы его финансирования.



Г. Б. Манелис, С. М. Батури́н и Ф. И. Дубовицкий. Разговор важный

Это он потратил много сил на установление выгодных для института контактов с Финляндией, Китаем, Югославией. Измотанный вернулся он и из очередной поездки в Финляндию — за несколько дней до смерти. Его сотрудники говорят, что не любил он эти поездки и вообще не был публичным политиком, публичным деятелем. Может, поэтому и фотографий его сохранилось очень немного, мы вот с трудом нашли для газеты несколько — более или менее приличного качества...

Каким-то отдохновением для него было теперь посещение своей лаборатории. Опять И. И. Назарова и «старые» сотрудники:

«Думается, Ф. И. Дубовицкий с присущей ему интуицией и прозорливостью разглядел в Сергее Михайловиче все эти достойные качества человека и в свое время поддержал его кандидатуру на пост зам. директора и директора Института проблем химической физики РАН. Этот пост ему достался в самое тяжелое время перестройки.



Что-то неофициальное, «неформальное»...

Несмотря на большую загруженность, будучи уже «в больших чинах», Сергей Михайлович обязательно приходил на все научные семинары, важные собрания лаборатории, а также на все наши традиционные праздники, которые обычно проводились у кого-нибудь дома, а иногда и у самого Сергея Михайловича.

Лаборатория была для него вторым любимым домом, где он находил разрядку и отдых от тяжелой административной и научно-организационной работы. Сергей Михайлович всегда был для нас досягаем, всегда рядом со своими сотрудниками — коллегами по лаборатории».

Как измерить то, что нес на своих плечах директор крупнейшего института НЦЧ? Держава рушилась, рвались налаженные связи, распадались научные школы, начинался беспредел. Он делал все возможное и невозможное, чтобы Институт выстоял. Жизненная мудрость и колоссальная память помогали ему ориентироваться одновременно



Эх доклады...

во множестве научных тем, хозяйственных, людских и даже политических проблем. Но моральные и физические перегрузки сделали свое черное дело. Сергей Михайлович не умел и не хотел беречь себя, экономить свои силы, не любил лечиться, откладывал это на потом, даже когда болезнь подошла вплотную. Только жена Алла Александровна знала, чего стоили выдержка, внешнее спокойствие, твердость ее мужа...

Как сказал черноголовский поэт А. Д. Стыркас:

Сердце слишком трепетало.

Знать, не вынесло и сдало.

Он умер совершенно неожиданно для подавляющего большинства жителей Черноголовки. Умер 16 апреля 1997 года, не дожив даже до 60 лет, так и не побыв стариком-пенсионером хотя бы просто по возрасту. Остался молодым, красивым, приветливым, энергичным.



Директор ИХФЧ РАН С. М. Батури

Помнят о нем лаборатория, институт, город. Свято хранит память о нем семья, всегда бывшая его надежным тылом. Алла Александровна неизменно была рядом, и работала она в соседней лаборатории. «Всю совместную жизнь они прожили, как говорят в народе, в мире, любви и согласии. Это была красивая пара. Они вырастили сына и дочь». Их внук, и тоже Сергей Михайлович, учится уже в вузе. Успехов тебе, Сережа!

Говорит Э. Р. Бадамшина, кандидат химических наук, заведующая лабораторией — той самой, «батуриной»: «В книге, которую мы выпустили в 2000 г. и посвятили Сергею Михайловичу Батурину, его учитель и друг профессор С. Г. Энтелис пишет, совершенно справедливо, что «самый верный путь сохранения памяти о дорогом нам человеке — это претворение в жизнь всех его замыслов и начинаний». И наш коллектив, в котором сохранилась заложенная Сергеем Михайловичем творческая и доброжелательная атмос-

фера, достаточно успешно продолжает те работы и направления, которые начинал еще Батурина. Прежде всего, это исследования кинетики и механизма реакции полиуретанообразования, но уже на других объектах, которые внесли свои особенности. Как и во времена Сергея Михайловича, мы работаем в плане создания топливных связующих нового поколения, решаем задачи, связанные с формированием энергетически активных термоэластопластов. Остаются в нашей тематике и олигодиолы различного строения, и полиизоцианураты, и, конечно, развитие методов анализа олигомеров, полимеров, кинетики реакций.

Разумеется, появляются и совсем новые темы. И тут мы не отстаем от жизни — активно занимаемся сверхразветвленными полимерами (становление этого направления в нашем Институте инициировал Г. В. Королев), уже несколько лет успешно работаем в области полимерной науки, непосредственно связанной с нанотехнологиями — фуллеренами, нанотрубками, их функционализированными производными в применении к использованию их для создания нанокompозитов.

В нашей лаборатории появились молодые сотрудники и аспиранты, совсем недавно прекрасно защитилась Марина Заверкина, в конце сентября прошла предзащита диссертации Георгия Малкова. Думаю, Сергей Михайлович был бы доволен!»

15-го октября в ИПХФ РАН состоится заседание Ученого Совета, посвященное 70-летию Сергея Михайловича Батурина. Выступят коллеги, друзья. Будет открыт мемориальный барельеф первого директора ИПХФ.

Автор благодарит за непосредственную и ценнейшую помощь И. И. Назарову, В. С. Радугина, В. П. Лодыгину, Я. И. Эстрина, Э. Р. Бадамшину, а также всех сотрудников «Лаборатории Батурина» за ту обстановку, тот дух и память, которые они сохраняют.

Михаил Дроздов